

УДК 821
М25

Маргарита М.

М25 In vitro – К.: Видавнича група КМ-БУКС, 2019. – 272 с.

ISBN 978-966-948-328-7

По статистике МОЗ каждая пятая пара в Украине бесплодна. Это дало толчок активному развитию медицинского туризма по направлению «искусственное оплодотворение».

Мы не заметили, как *in vitro* из уникального метода лечения бесплодия стал обыденной процедурой.

Книга «*In vitro*» описывает без прикрас и фантазий мысли и чувства женщины, ее мужчины во время программы. Все испытания, сомнения и надежды читатель узнает «изнутри», погружаясь в обстоятельства жизни каждой героини. В книге собраны истории разных семей, прошедших через процедуру искусственного оплодотворения, их личные победы и потери, и то, чем все они похожи.

Общество осведомлено об этой проблеме, но о ней принято молчать. «*In vitro*» — первая книга о том, как живется тем, кто хочет ребенка и идет к мечте путем испытаний. Не медицинских. Жизненных.

УДК 821

Усі права застережено. Жодну частину цієї публікації не можна відтворювати, зберігати в системі пошуку інформації чи передавати в будь-якій формі будь-яким способом — електронним, механічним, ксерокопіюванням або іншим способом — без попереднього письмового дозволу власника.

ISBN 978-966-948-328-7

© Маргарита М., 2019
© ТОВ «Видавнича група
КМ-БУКС», 2019

Эта книга состоялась благодаря моральной и профессиональной консультационной поддержке репродуктивного и перинатального психолога Антонины Наконечной.

Верю во все твои начинания и знаю, что тебя ждет
большое будущее!

С искренней признательностью

Анна Науменко, большое тебе спасибо за участие и поддержку

О книге

Книгу Маргариты М. «In vitro» читать непросто. Это автобиографическая история женщины, рассказывающей о том, как она хотела ребенка, прошла через все возможные испытания, медицинские ухищрения, но так и не смогла стать мамой... Не буду скрывать, мне несколько раз хотелось отложить книгу: в ней много боли, она тревожит до глубины души. Предельно искренняя, как исповедь, иногда на грани возможного. Остается только догадываться, как Маргарита добилась такой интонации: она пишет о неродившемся ребенке, как будто он уже был, а потом умер — текст написан жестко, как древняя трагедия, без иенужных сантиментов и фальшивых слез, но сколько же настоящих скрыто за этим беспристрастным рассказом! Я читала и, естественно, вспоминала о своей жизни — одна из моих трех дочерей досталась мне совсем непросто. Но, даже имея собственный непростой опыт, я и не догадывалась, что женщины могут переживать такой ад, идя навстречу самому простому и естественному желанию — быть матерью.

В книге (даже с каким-то детским недоумением) поднимается один из вечных вопросов: отчего одним, кто вовсе и не думает о потомстве и не считает это никаким подарком, дети даются легко и мимоходом, а другим, кто истово мечтает о материнстве и отцовстве, сознательно работает над зрелостью и ответственностью личности, готов

тратить на будущего ребенка время, средства, силы, — не даются никогда? Представьте, у автора, религиозного человека, есть вариант ответа на этот вопрос.

Писатель — глубокий, интересный психолог. Если говорить о том, что задело меня, кроме потрясающей женской истории, остановлюсь на описании многочисленных и грубых посягательств на личное пространство со стороны всяких «доброхотов», которые сопровождали не только ее, а преследуют всех нас практически всю жизнь. Посоветовать молодой девушке поскорее выходить замуж, а едва поженившейся паре не тянуть с детьми; посоветовать, что супруги уже три года вместе, а все никак не решатся на ребенка; подсказать — «не получается родить, так усыновите»... Отдают ли себе отчет все эти «советчики», что по меньшей мере они лезут не в свое дело, а по большому счету могут нанести даже близкому человеку огромную психологическую травму, вселить неуверенность, довести до депрессии?

Любопытно, что автор не просто рассказывает личную историю — она всесторонне и глубоко исследует тему желания ребенка и воплощения /не воплощения/ этого желания в жизнь. Она берет интервью у разных пар — как они шли к своей мечте, как оценивают медицинскую помощь, участие или безучастие близких, как переживали неудачи; беседует с женщинами, которые рожают детей без мужа; изучает тему от обратного — находит людей, которые принципиально не хотят детей, и выясняет почему.

Каждая история, рассказанная Марго, даже очень короткая — это клад, за сказанным угадывается невысказанное, за обнародованным — припрятанное. При этом она эмоционально откровенна. У кого-то из знакомых женщин получилось, а у нее — нет, ей от этого горько, но она открыта, честна и не пытается лукавить. Это большое уме-

ние — найти слова, полные печали и грусти, но не зла и обиды на весь белый свет...

И все-таки, несмотря на весь трагизм ситуации, после книги «*In vitro*» у меня осталось светлое чувство. Автор выбралась из своей бездны, из своих кругов ада, она собрала волю в кулак и перевернула черную страницу жизни, сполна усвоив весь тяжкий опыт, — и я ни секунды не сомневаясь, что впереди у нее прекрасная жизнь, новые занятия, новые дела, новые путешествия. Что ее спасло? Любимая работа, вот эта самая новая КНИГА. А разве любовь к жизни, разве чудо работы и появление замечательной книги — это не творение Божье?

Напоследок я хочу подарить автору мое любимое стихотворение Юрия Левитанского.

*Когда земля уже качнулась,
уже разверзлась подо мной
и я почувствовал холод бездны,
тот безнадежно ледяной,
я, как заклятье и молитву,
твёрдил сто раз в теченье дня:
— Спаси меня, моя работа,
спаси меня, спаси меня! —
И доброта моей работы
опять мне явлена была,
и по воде забвенья черной
ко мне соломинка плыла,
мой тростничок,
моя скорлупка,
моя свирель, моя ладья,
моя степная камышинка,
смешная дудочка моя...*

Марина Кинах, заслуженный журналист Украины, эксперт телевизионных социальных проектов

Предисловие

Что вы чувствуете, когда ваша мечта разбивается на мелкие части? Только не медленно растворяется в пространстве, а в одно мгновение превращается в пыль, груду осколков, а может быть, в горстку пепла.

Девять переносов, три стимуляции, четыре беременности, одна из них естественная между этапами ЭКО*. Я смотрела на единственную проявившуюся полоску теста на беременность. Одну. Именно в этот момент моя мечта разбилась. Я потерпела фиаско. Мы потерпели фиаско. Наша семья. Я персонально. Это было похоже на авиакатастрофу персонального масштаба. Трагедия, не драма.

Мы шли к этой цели долгих десять лет, а я уже почти двадцать.

За эти годы я пережила много боли. Физической, моральной, душевной. Постоянные эмоциональные качели. Разочарование и воодушевление. Десятки, а может быть, сотни разных лиц с их личным мнением на мой счет и мою неспособность подарить жизнь новому человеку. Саркастические улыбки «доброжелателей» и сочувствие близких по духу людей. Позади остались надежда и вера, сомнения и страх. В результате долгого пути я держала в руках труп своей мечты — тест с одной полоской.

Знать, что все закончилось так, безрезульятно, после стольких усилий — невероятно тяжело. Груз величиной с

* Экстракорпоральное оплодотворение (от лат. extra — снаружи, вне и лат. copriss — тело, то есть оплодотворение вне тела, сокр. ЭКО) — вспомогательная репродуктивная технология, чаще всего используемая в случае бесплодия. Синонимы: «оплодотворение в пробирке», «оплодотворение *in vitro*», «искусственное оплодотворение», в английском языке обозначается аббревиатурой IVF (*in vitro fertilisation*).

десяток лет и спектра самых тяжелых эмоций за все эти годы одномоментно навалился на меня. Помня о том, что лучше готовиться к худшему, все равно надеялась на лучшее, а получила – похоронку по мечте.

Тема утраченной мечты о ребенке закрыта в нашем обществе. Она болезненная и ранящая. Женщины остаются один на один со своими страданиями, даже рядом с любящим мужчиной. Способность женского тела стать сосудом для новой жизни влияет на психологию восприятия действительности. На женщине за несостоявшуюся беременность всегда больше ответственности, чем на мужчине. Увы, именно так я воспринимаю невозможность иметь ребенка. Проговаривать, что чувствуешь, потеряв надежду, страшно и тяжело. Понять меня может только тот, кто прошел через те же испытания. Обычно слышишь мнения наблюдателей, а «давать советы с трибуны и выйти на дистанцию» – не одно и то же.

Поэтому я решила написать книгу. Книгу-исповедь. Описать, через что проходит женщина от осознания, что собственного ребенка ей не родить, до момента, когда все ставки сыграны и передо мной тест с одной полоской.

Возможно, я единственная женщина, кому нужна эта книга, а быть может, будут те, кому она поможет разобраться в своей ситуации. Понятия не имею, чем закончится моя попытка обнажить душу. Это намного интимнее, чем любая эротика в моих предыдущих романах о жизни и отношениях.

Моя мечта разбита. Она умерла в тот момент, когда тест показал отрицательный результат. В то самое мгновение мне показалось, что моя жизнь опустела. Опустела настолько, что я лишилась опоры, смысла (терпеть не могу искать смысл в жизни и протестую против подобного понятия, но здесь не подобрать более точного сравнения),

лишилась самой жизни. Это неправильно и неправда, но именно такие чувства проснулись во мне в то самое мгновение. Вместе с моей мечтой умерла часть меня, а новая я в тот момент еще не родилась.

У каждого из нас свое предназначение в жизни. Возможно, мое – пройти свой тернистый мне путь и написать об этом. Все, что я могу, – писать так, как жила, не подбирая удобные для читателя слова. Я не коуч и не тренер, я – человек, который живет свою жизнь. Предполагаю, что меня разложат на молекулы и составляющие, ставя диагнозы, «специалисты» и «недоспециалисты» всех мастей и уровней. Знаю таких великое множество, и, если вы думаете, что в данной теме люди руководствуются деликатностью, вы заблуждаетесь – подобные «профи» уверены в праве на профессиональную «честность», выраженную в порке пациента на публике и с глазу на глаз без угрызений совести. Их столько уже случилось в моей жизни, что сейчас мне даже смешно: они могут гордо вскинуть голову со словами «Я же говорил», что сделают обязательно. Я их прощаю и отпускаю им грехи, хоть я и не Господь Бог. У меня есть на это право как у человека, которому они причиняли боль с видом полного превосходства.

Я пишу эту книгу с четким пониманием: всегда будут те, кто бьет с удовольствием садиста. Бьют нас, если не физически, то словами, бьют за нашей спиной, в присутствии нас и наших близких.

Надеюсь, ответ, «зачем» я пишу эту книгу, появится в конце, на последней странице. Сейчас мне остается только это.

Начало

Не знаю, когда это началось. В детстве девочки играют в «дочки-матери», и я играла со своими подругами во дворе. Желание иметь детей – в юном возрасте вроде как естественная составляющая девичьего бытия. Помню, в анкете выпускника, которую придумала наша классная руководительница, я написала, что через десять лет вижу себя матерью троих детей. Понимала ли я, что пишу? На уровне инстинктов, наверное, да. Осознавала ли я свое желание, что кроется за самим понятием «трое детей»? Конечно же, нет.

В нашем обществе (мне сложно говорить за все существующие варианты на планете Земля, и я сейчас исключительно о своей стране – Украине) само собой разумеется, что женщина хочет детей и каждая семья детей имеет. Семья без детей, если не считается официально ущербной, то негласно все равно именуется «бездетной», «неполноценной», «бракованной». Потому к чайлдфри* у нас скорее отрицательное отношение, нежели нейтральное или «с пониманием». Наше общество все еще с трудом проходит этап осознания, что каждый человек имеет право на свое личное мнение и личный выбор, иногда не совпадающий с мнением большинства.

Поэтому у многих девочек в нашей стране уже в ДНК прошито, что она должна стать матерью. Когда-нибудь. Не прямо сейчас, и желательно от «правильного» мужчины, а еще лучше в «правильное» время, которое, конечно же, обозначит общество. Восемнадцать – еще рано, а вот

* Чайлдфри – люди, сознательно не желающие иметь детей.

тридцать уже поздновато. Чьи это установки? Пропущены ли они через ментальность личности или все же – клише социума?

Я живу, на первый взгляд, в окружении свободомыслящих людей, далеких от условностей, но, если вы думаете, что они позволяют другим принимать решение самостоятельно, без оглядки на общественные устои, вы ошибаетесь.

Недавно попался в ленте Фейсбука пост весьма прогрессивной дамы (тут вам придется верить мне на слово, но она точно не дремучая), которая подняла тему допустимого возраста родителей. Ее знакомая пара решилась на ребенка в возрасте под пятьдесят, причем обоим. Смысл размышлений прогрессивной дамы свелся к тому, что дама апеллировала к возрасту отца и матери младенца, ведь с годами люди не молодеют. Разве это не стереотипы об определенном возрасте родителей, если до 30 не успел, то потом уже «не то пальто»? Допустить мысль, что люди «смерти внезапно», как подметил классик, и умирают в том числе и в возрасте совсем юном, имея детей, кстати, почему-то осталось за рамками развернувшейся дискуссии.

Мне очень понравился ответ одного из комментаторов, указавшего, что им с женой по сорок восемь, два года назад они произвели на свет второго ребенка, еще хотят и планируют детей. Так как живут в Израиле, то в их стране их возраст стариковским не считается. Дама же наставила на физиологии за рамками национальности. Вот и «прогрессивность» взглядов. Разрешить себе мысль, что человечество омолодилось и возраст – рамки в голове конкретного индивидуума, дама не могла.

У нас еще очень сильны стереотипы. Говоря не об абстрактном обществе, а все же ориентируясь на отдельных людей, уверена, большинство склонны к мысли, что: